

18+

Сергей Пилипенко

Цитадель

Сергей Пилипенко

Цитадель

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пилипенко С. В.

Цитадель / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Книга представляет краткие сведения о жизни древнегреческого философа Сократа и яркую исповедь его души. Повествование ведется от лица самого философа, который поясняет различные моменты своей жизни, многие свои высказывания, а также – каким образом он постигал саму науку жизни. В целом, произведение вносит свою историческую справку о том времени и акцентирует внимание на философии, как основе общего человеческого умственного становления.

Содержание

Пролог	5
Вступление	7
Глава 1. Школа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пролог

Каковыми бы ни были мотивы того или иного человека, и каковой бы не становилась в последующем его судьба – в целом, самое важное значение имеют его поступки, уже совершенные или просто зарождающиеся в голове, то есть в мыслях. Именно они фигурируют в, так называемом, деле человека и обращают на себя внимание по сути всей общественности.

Так или иначе, но человек волен в себе и не безосновательно способен доказывать время от времени свою правоту или ту самую волю, выражая где-либо в качестве своего же совершенного поступка.

Таким образом, судить о самом человеке можно по его делам, что неоднократно доказано временем и подтверждено жизнью.

Час от часу, все те дела или совершенные действия как бы переплетаются с самой средой и уже составляют ее единое целое, что в итоге выражается, как общее время.

Так потом и говорится. Время было такое.

И это выражение действительно верное, ибо, как ничто другое, в точности отображает суть того или иного участка времени и происходящих в нем же процессов.

Говоря проще, можно было бы сказать просто так.

Каждый человек, представленный средой, своим явным или даже мысленным действием воздействует на окружающее, что значит, заставляет его меняться или принимать формы иного состояния.

Это, так называемый, первый регламент времени, согласно которому каждое действие является началом всякого иного материального движения. Его еще можно назвать протурбацией времени или изменением участка среды.

От силы введенного действия зависит сила молекулярного противодействия, что говорит о взаимосвязи веществ в среде или их тесном сотрудничестве.

Это создает попутно возникающую силу, которая именуется силой инерционного давления и которая в итоге и образует второй регламент времени, что значит, выражает по-новому степень состояния среды.

Таким образом, во все времена или когда бы-то ни было, существо поступка определяло момент действия самого времени.

А это значит, что действия того или иного человека вполне могут сдвинуть с места огромное количество иных состояний или пробудить среду, что обозначает привести ее в состояние инерции.

Все это говорит о том, что каковой бы ни была величина совершенного того или иного поступка – все же она имеет свое отражение и даже выраженное значение, что воздействует на среду, заставляя ее инерционно продвигаться вперед.

Во все времена именно люди являлись инициаторами каких-либо поступков и действий. Слагающее их большинство и составило тот или иной отрезок времени или даже общую черту выражения эпохи.

Своеобразной была эпоха, в которой проживал мастер непревзойденного слова Сократ. Именно ему было присуще насыщать среду различного рода словами, каждое из которых имело смысл общепринятого узаконенного движения.

Повествуемый ниже материал предлагает познакомиться с ним поближе и опознать черты того времени, сопоставляя его уже с тем, в котором живем мы сами.

Ну и, само собой разумеется, попытаться понять самого философа в его действиях и поступках, не всегда благородных или великих по духу даже того времени.

Пути той природно исполнимой истины будут представлены всем вам на суд.

Наши же пути пока будут преодолимы нами самими. Обождем, что скажет по тому поводу само время, или выражение в целом всех наших мыслей и прилагаемых поступков...

Вступление

– Кто обозначит себя так, как я – будет осмеян толпою.

В столетиях я не превзойден и в тысячелетиях роста узнаваем. Так создала меня Природа, и ей я извечно за то благодарен, – так говорил проживающий в эпоху царя Голтона Сократ и, наверное, в чем-то там по-своему был, конечно же, прав.

А еще, обводя порою руками вокруг себя, пояснял такое:

– Это – Земля. Над ней ходят небеса. Внутри стоят чудеса. Кто создал это – не знаю. Но обзову его просто Природой. Так и оставим это слово и закрепим в дне людском на многие века...

Это небольшое произведение представит на суд людской просто извечно живущую человеческую душу и как бы воскресит в памяти живых простое имя Сократ, ублажающее когда-то тело людское и обозначающее его со всех сторон.

Да, да. Именно так ходил и жил тот самый мыслитель времени и преподаватель одного из самых древних человеческих университетов.

Было что-то странное в образе его поведения, мышления и всего того, что просто окружало.

Таким его сотворила Природа, о чем он говорил сам и о чем бессловесно жалел в свое время.

Порою, степень такой жалости истекала ручьем и не давала покоя всякому, кто проходил мимо или был попросту близок ему самому.

В целом же, то был человек силы и силы ума, прежде всего. От него исходила волна самой силы и обдавала каждого, кто хоть как-то соприкасался с ним самим.

Таким был Сократ, сотворенный природой Земли и, естественно, кем-то еще, по сути своей обозначающийся, как Бог. Здесь практически будет изъят из времени его краткий жизненный путь, а самому читателю предложена многая суть тех прежних высказываний. Также оповестуется и многое другое, пока не узнанное даже из других произведений и до сей поры не изъятые из-под земли. Для каждого прочитанное и узнанное будет иметь свое историческое или какое другое значение. И каждый же будет судить сам, как о человеке, так и о степени правдивости всего описания.

– Нельзя судить строго и строго по существу, – так говорил сам Сократ и тут же добавлял следующее, как бы разъясняя и дополняя все то, что изрек предыдущее, – нужно судить по-человечески, по его закону, по его сознанию, по самому времени и только в целом по существу. Тогда, суд будет примерно верным и уподобаться справедливому, хотя даже так сказать было бы немного неверно, ибо справедливость предполагает большее и значительное. А, что в нем полагает, увы, не ведаю даже сам. Только догадываюсь, но эти мои рассуждения к суду, а тем паче, его действию, не относятся. Такие вот примерно наречия будут излагаться в произведении и согласно им же сложится и сам сюжет, стоимость которого для дня настоящего огромна и по-своему велика.

В чем – доподлинно догадаетесь сами. А нет – значит, не доросли до ума Сократа и не смогли распознать его среди своего людского обозрения. И этим, и другим будет истолкована эта книга. Но вряд ли наиболее доходчивое найдет свое место в чьей-либо душе опровержения. Цитаделью памяти времени можно условно обозначить само время деятельности Сократа.

И именно потому так обозначен этот рассказ и только поэтому сама душа изъята из поля сражения самих душ и под руководством чужеземной силы внедрена в чью-то суть и воплощена наружу, дабы мы все узрели ее и возвели дань времени и величия во всем своем числе.

Ничто не должно быть забыто и тем более то, что возлагает в себе общую человеческую суть. Таков девиз настоящего времени и призыв к написанию данного произведения мысли.

Настоящий ум не несет в себе слепоту убеждений. Не несет на себе временные, пролонгированные кем-то общественные самодемократические устои.

Ум вообще отрицает всяческие устои и прорицает свободу состояний в реальном изложении действий времени.

Но не стоит понимать это высказывание настолько превратно, чтобы отнести ум в разряд какой-либо анархии или вакханалии греха.

Ум предусматривает только уморазвитие в состоянии умонесущих естество-существ.

Иначе говоря, он исключает безумие и прорицает в целом беспринципную жизнь любого общества сотворения.

Проще говоря, настоящему уму жить можно при любом государственном строе, при соблюдении им самим качеств ведения ума и предпосылок к такому же дальнейшему развитию.

Но не будет слишком отдаляться от темы, и опустим дальнейшие высказывания самой души, уже по-настоящему вошедшей в земной состав и желающей выразиться в среде людей как можно яснее.

А потому, приступим к самому прочтению и опустошим свои застоявшиеся во времени мозги, дабы набить их снова до отказа новым и более определяющим для вполне реальной, но пока несправедливо обустроенной жизни.

Как и предыдущее, время существования героя проставлено не будет.

Это дело самой истории и ее теоретиков. Мы же говорим с реальностью в виде исполненной ранее души и состоящей в среде наших человеческих основ.

Она сама укажет на время и определит себя среди прочих так же, как другие узнают ее по написанию со всех сторон "Сократ".

На этом краткое содержание завершено и можно полностью окунаться в страницы древней для нас истории, не забывая, правда, при этом, что вся история составлена живыми людьми, не всегда олицетворяющих то или иное время чьего-то присутствия.

Иначе говоря, вся история – это история предположений на основе обнаруженных где-либо документов или каких-либо иных предметов обихода.

Но не будем пока обсуждать эту дилемму времени и просто приступим к прочтению, хоть на некоторое время оторвавшись от каких-либо забот и прочих хлопот.

Хочу присоединиться к вам и прочесть все то совместно, ибо также желаю узнать многое из того, что было когда-то и сотворено кем-то.

Дань же поводья отдаю той душе и с ее дальнейших слов все то повествую, при этом избегаю налагать свое и только подавать божье, если то необходимо или так требует та самая душа.

Глава 1. Школа

Еще в детстве когда-то во времена царя другого, а не того, обозначенного мною вначале, я начал подавать первые признаки умотворения от словесов божьих, нам в уста почти записанных и данных на съедение самим себе.

И за то часто попадало мне от родителей моих, а также от иных, только поверхностно людьми обозначающимся, а на деле к ним мало относящимся.

Подмечал я многое и оттого умнел и вырослел быстрее, чем все другие погодки или даже старше меня. Существов других родов я также любил и оберегал их от бесчинств разных, творящихся теми самыми людьми.

В том же детстве и возрасте я научился различать их по особям и даже начал игры разные придумывать с ними, дабы ублажить себя и кое-кого другого, тем самым доказывая, что иные рода также способны ко многому, как и мы сами, только с ними надо побольше возиться.

Так я и рос в заботах и преданиях своих, а кроме того, и в заботах каждодневных чужих, так как был приставлен я к одному местному вельможе и был у него вроде правой руки.

То рисинку ему подам, то что-нибудь другое. Сам он редко руками водил и вообще, говорил.

Только рот открывал, да еще жевал иногда, если в рот его обширный то все не проходило сразу.

Не нравилось мне прислуживать вельможе тому и всякие пакости с детства я ему причинял.

А надо сказать, что поставлен я к нему был пожизненно. То есть, до той поры, пока он, либо я сам не отойду в мир иной за пределы солнечного круга в кромешную тьму.

Такая вот была моя обязанность в эпоху уже взрослого царя Голтона, которому я, как все остальные, подчинялся

Вельможа мой не был царем, если то кому интересно узнать. Он был при царе тем самым вельможей.

Что он делал?

А кто его знает что. При мне только ел, пил, спал, да рот открывал. Так заведено было и приказано самим царем. К тому же мал я еще был и про то все мало понимал тогда.

Ну, так вот. Пакостям моим, как словесным, так и другим не было предела.

Любил я много поговорить и особенно спозаранку. Как только заря новая зарождалась, я тут как тут и речи свои вельможе тому раздаю, словно еду какую. Не нравилось то ему, да молчал он, так как говорить толком не мог.

Бог не дал ему речи той глубокой, что мне, и потому, вельможа только и мог, что рычать или какие глухие звуки издавать.

Случалось разозлялся он и кричал на меня. Только тогда что-то у него и получалось, но все одно не так ясно, как у меня. И от того он обозлялся еще больше.

Кашлял, хрипел и только потом, силу теряя, слезу ронял, своей рукой утирая, а не моей, как обычно все то было.

Сам не знаю, зачем я то все творил и почему. То ли озорство во мне сильно играло, то ли ум сызмальства теребил меня и не давал покоя никому другому.

Из пакостей другого рода я свершил многое. И горячее ему подставлял, и подменял чем-либо еду какую, и злого духу напускал и, в целом, по голове иногда втихую бил, а затем прятался по углам, от него убегая.

В общем, мстил я ему за свою раболепность и вечную по жизни привязность.

Так я то все понимаю сейчас и диву даюсь своему тогдашнему надрыву в деле том, не особо лицеприятном для меня самого.

Так или иначе, но время шло, я выросел и становился все более для него невыносимее. Вконец, не выдержал он и упрямился главным образом от меня.

Не разрешалось такого, но я все же получил отступную, так как старший тот отцом по сути состоял его и мог что-либо сделать всенародно.

Поступили они, конечно, по-хитрому. Чтоб народ не знал, от чего так получилось, и вся подноготная наружу не излилась, взяли и обозначили меня Сократосом, что значит сокращенный или уволенный за проказу какую.

Обписали мое тело большими буквами со всех сторон и в путь дорогу выпроводили.

Так я лишился своего рабства, а заодно своих родных и близких, так как они все дома остались, а я ото всех удалился.

Народу объяснили, что волею царя так велено и богом определено. Для этого целое торжество было затеяно, в котором я сам участия не принимал.

Долго бродил я по дорогам и пустырям каким-то, пока, наконец, не определился к одному ездому купцу.

Гладиолусом его звали, отчего и запомнился он мне, как цветок одноименно. Пробыл я с ним долгие годы, многому делу обучился и стал понимать разное.

В то же время, я и свой ум развивал и в разговорах своих, со старшим товарищем затеянных, то и дело подтверждал.

Не нравилось то ему особо, но все же терпел он, так как работник из меня был хороший и, в целом, помощник неплохой.

В общем, работа моя меня спасала от побоев каких-то со стороны его, да и от всякого другого, кого я языком своим обидеть мог.

Сейчас многого уже, конечно, не помню, но вспоминается, как однажды поспорили мы с ним по поводу того, чей ум главнее: мой языковедный или его работодателный и принужденный.

Долго мы с ним спорили, пока вконец, я не сказал такого:

– Знаешь что, мой сотоварищ старший, – так я к нему тогда обратился.

– Что? – говорил он мне в ту пору и головой вертел во все стороны, словно я был не рядом, а весь какой-то разбросанный со всех сторон.

– Скажу тебе просто и прямо. Труд мой языкотельный, в твою пользу превращенный, может дать только одну дань времени – это прибыль от дела всего и от сознания его творения капелька ума в голову набезит. Труд же мой остроконечный язычный способен ума больше придать, так как он заставляет любого про себя или про что думать, а значит, собственную голову развивать. Заставляю я мозги шевелиться, что значит, для них работать.

А всякая работа имеет свою материальную прибыль.

– Какую прибыль? – спросил меня тогда старший.

– Материальную, – ответил я ему и пояснил, – это значит, выгоду в привесе ума еще кроме того, что было.

Не знаю, переспорил ли я его, но спор наш на том завершился.

Гладиолус, очевидно, устал от таких разговоров, и его глаза сами по себе слиплись.

Я же себе сказал еще следующее, как бы для себя заключая и более важное обозначая.

– Суть ума моего или другого в приросте времени самого от рождений наших, по роду одному передающихся.

Сказал я так и задумался над тем, да так, что вскоре и сам спать свалился, ибо ум мой слабо еще в мозгах состоял и только-только вырисовывался.

О самих мозгах знал я многое из детства своего малосытного.

Хоть и кормил я вельможу того с руки, да самому мало что попадало. Потому, приходилось иногда корм самому добывать и самими мозгами питаться. То дело мне одному не под силу было и потому звал я друзей старших.

Вместе мы разворачивали то все и поедали. Надо сказать, что съесть мозги и что-то в этом роде боялись.

Я пример тому подал, да так оно и пошло. Не боялся я и вред какой нанести другу четвероногому, которого спасал и вызволял из беды иногда.

Считал, что то тварь, в целом, для жизни людской предназначена и способна помочь ему в достижении успеха ума.

Само слово ум – не знаю, откуда взялось. Было то у меня сызмальства и в речи просто велось.

Никто меня тому специально не обучал и по большей части, от меня к другим так же просто и перешло.

В общем, с мозгами и с умом я с детства знаком был, а потому, значение этому особое придавал и по сути жизни только с тем и к тому шел.

Проработал я у купца того, сотоварища моего старшего, долго.

Примерно лет девятнадцать мне исполнилось, как я от него к другому подался. Так случилось не потому, что я с ним поругался, а из-за того, что захотелось мне делу другому обучиться.

Погоревал мой старший друг, но все же отпустил, хоть и не был я в рабах у него или в какой другой зависимости.

Это просто так сказано. Распрощались мы тогда и в годы старшие встретиться условились.

– Как услышишь, что по Земле молва обо мне пошла, так сразу и приходи, – сказал я ему на прощание, руку подав и поцеловав.

– А как узнаю, что то про тебя? – спросил друг сквозь слезы.

– Имя мое. Оно одно. Это-то тебе и подскажет.

– Точно, – подтвердил он и рукою по моей спине и груди провел, как бы заглаживая шрамы те большие, что от рукоприкладств людских остались.

На том и простились.

Смахнул и я слезу, как-то жалко было расставаться. Все же, не один день провели вместе и были почти, как братья.

Но дело то уже сотворено было, а потому, повернулся я и зашагал к новому своему избраннику, дабы с его трудом поближе познакомиться.

Нового моего сотоварища звали Никоспориус, что обозначало почти непревзойденный из словес людских обозначений всяких.

Это за дело его так прозвали. А занимался он делом непростым.

Собирал остатки подати людской /из того, что от подати общей осталось/ и сотворял из него новое, что хорошо пахло, огнем горело и во рту зябью пробегало, коли его пригубить.

Люди прозвали его еще Спиритиусом за летучесть его напитка изготовленного.

Так я познакомился с новым для меня делом и впервые в жизни испробовал алкоголь.

Мастер тот именно его приготовлением занимался. И был по делу тому первый во всей округе живущей.

Долго я к делу тому принаравливался. Вначале плохо у меня получалось, и от людей жалобы шли в мою сторону.

Хотел мастер меня за то даже выдворить из своего поместья небольшого, да только и спасся я тем, что трудился всегда хорошо. Потому, простил он меня и обучил делу по-новому.

Вот тогда я и допонял все, и начал производить жидкость ту, ничуть не хуже. Порадовался успеху тому сам мастер, и вместе мы то отметили тем самым живым огненным напитком.

Впервые в жизни я тогда над собою летал, тело свое видел как бы сверху и везде по округе носился. На другой день было не легче.

И только аж на третий дремота моя проходить начала, а сам я к жизни реальной возвращаться. Решил больше, что потреблять его не буду особо, а так, лишь понемногу, как то делают люди другие и в небо почему-то опосля смотрят.

– Видения у них появляются после того, – объяснял мне сам автор, – я же сам того не вижу уже давно.

Многому я у того Никоспориуса научился. Стал жизнь саму несколько по-другому воспринимать и стал чтить его, как первого моего настоящего учителя.

Таким он и был для меня, так как объяснял много, рассказывал и подтверждал реально.

Любил, правда, учитель мой выпить напитокку того лиходейного, из-за чего многое с ним и живое, и неживое происходило, но все же, поучал всяко и ублажал мою уможивущую суть.

Отчасти из-за него я и сам к напитокку тому пристрастился, но еще и потому, что выхода для себя внутреннего опосля первого случая больше не видел хоть сколько не пил.

– Так бывает только раз, – объяснил мне тогда мой учитель, – когда перепьешь – больше не повторяется. Так случилось уже со многими.

– Жалко, – отвечал ему я.

– Жалко, – повторял Никоспориус и руками в стороны почему-то разводил.

Пробыл я в учениках у него долгое время, лет несколько.

К напитокку тому хорошо приучился и уже не пьянел больше как сразу, а на ногах хорошо держался, как и он сам.

Пробыл бы, наверное, я и больше, как если бы

беда одна не наступила и нас в путь совместно не увела.

Повелась у нас война древнегреческая.

Что-то разладилось в царстве того прежнего царя и вельможи друг против друга восстали.

Народ, как всегда, заложником в той войне стал и с убийством друг на друга пошел.

Уехали мы оттуда и часть оборудования с собой увезли.

Обосновались далеко от мест тех и дело новое завели. Точнее, стал заниматься им один мастер. Я же, вдоволь всего того насмотревшись, решил в другие земли уйти.

– Пойду, – сказал я ему тогда, – взгляну на мир со стороны. Какой он есть, какие другие люди в нем.

– Иди, – не стал держать меня тогда учитель, – только помни, куда бы ты не ходил – дорога все одно к месту изначальному приведет.

Удивился я тогда его словам и сразу не поверил. Верил я еще в свои силы и силу ума своего.

Распрощались мы с ним так же, как братья, и я в

путь тот далекий пустился.

Долго бродил по местам пустынным, долго без воды оставался, но вконец, дотопал до места одного, где жили люди другие.

Речи им Бог иные послал, а потому я их не понимал, а они меня, словно не слышали.

Стал я тогда на пальцах и руками что-то свершать, желая сказать, кто я и почему здесь.

– От войны убегаю, – так в переводе то все звучало для них.

И они меня поняли, а также место предоставили.

С той поры и начались мои настоящие скитания, о которых я сейчас с трудом и болью вспоминаю, и даже содрогаюсь иногда.

Люди те были индоусами. Так они себя называли и часто тыкали своими руками в нарисованный на лбу третий людской глаз.

– Здесь, – говорили они, – кроется тайна великая, которая нам видна и дана самим Богом.

– Что за тайна? – допытывался я по-своему и удивлялся их ежедневному ремеслу.

А занимались они многим. Животных четырехногих разводили, молоко с них доили и в пищу употребляли. И я научился делу тому уже после.

Огород сеяли и пахоту воспроизводили. Урожай сами чинили и возводили горы его в каких-то пирамидных стенах, сколоченных из дерева того, что было вокруг.

Траву какую собирали, фрукты хранили и обмазывались ими во времена празднеств каких. Стал я у них многому учиться.

Хоть и умом сам богат был, но все же прислушивался и, как говорят, на ус мотал.

Вскоре ознакомился я со всеми и языку их родному обучился.

Диковат он был для меня, да ничего, справился, как говорится.

Все люди подчинялись огню. В его образе состоял и самый главный из них.

Это был пожилой человек с целым рядом различных шрамов на теле. Много он повидал в жизни и решил этому просветить и меня.

Не знаю, на чем основан был его выбор, но в группу учеников я попал и понемногу начал узнавать про тайну Яхондзу и Яхонджи.

Началось и обучение по новым, доселе неведомым мне правилам, и понемногу стал мой ум мутнеть в просветлении их самих.

Это я хочу сказать, что многое мне самому было не понятно, в то время, как другие ученики воспринимали то, как уже давно известное.

Но мало-помалу я все же разобрался и уже не путал одно с другим, и мог четко объяснить происхождение чего бы-то ни было.

Так я начал обучаться науке жизни, ее возведению на свет и становлению в самом человеке.

Само слово человек, звучащее в переводе несколько по-иному, я также впервые услышал там и мог доподлинно понять его смысл.

Обучение длилось долго, и я уж не помню, сколько лет провел среди тех людей.

Но, когда оно завершилось, я вдруг почувствовал себя взрослым и ощутил в себе силу какого-то внутреннего владычества над другими, что давало мне право самой жизни и ее повеление среди естества.

Отмечу сразу, что какого драгоценного металла в том людском племени не было. Были у них просто вещи, изготовленные из того, что окружало их же бытовую сущность.

В пожизненных временах это время я отмечаю сам для себя, как время моего первого жизненного становления, ибо в ту пору я действительно впервые ощутил в себе сам признак жизни или смог отделить душу от естества, что значит, смог определить саму жизнь в жизни самого естества.

Эта наука не прошла для меня даром или не вышла каким-то обманом. В разные чудеса я не верил и подходил ко всему со своей стороны.

Учителю это особо не нравилось, но он терпел меня только за то, что я упорно трудился и добивался того, чего хотел понять или достичь сам. Там же я начал осуществлять свои первые выходы в свет вне всякого отравления организма и без всяческих вспомогательных средств.

Моя наука сама меня нашла. Так я могу констатировать то, что тогда происходило со мною и всецело с теми, кто обучался рядом.

Я почему-то стал понимать больше, ощущать невидимое и определять его для себя в степени необходимости или, наоборот, отрицательности.

Мой ум и мозги начали наполняться чем-то, от чего кружилась голова, а земля под ногами ходила ходуном.

Как объяснял нам это учитель, это были всеобщие людские знания, собранные нами для воплощения их в наших телах.

Скупость слов учителя не давала возможности разыгрываться какому-то воображению и осознанию такого же происхождения. Она давала возможность развиваться самостоятельному уму и сосредотачивать узнанное где-то в глубинах самих мозговых ростков.

Снисхождение к ученикам было самое минимальное, наказание строгое, а невосприятие выражалось изгнанием.

Из всех собранных к следующей стопе обучения нас осталось совсем мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.